

18+

ИРА БАДАНИНА

ПРИЛИВ

Ира Баданина

Прилив

«Издательские решения»

Баданина И.

Прилив / И. Баданина — «Издательские решения»,

Ян приезжает в старый дом у моря, чтобы отдохнуть, но сталкивается с пугающими странностями. Дом будто живой — он стирает грань между реальностью и безумием. 34 дня превращаются в кошмар: прошлое настигает, а вода заполняет всё вокруг. Финал шокирует: читатель с самого начала — часть этой истории. Не читайте, если боитесь воды.

© Баданина И.

© Издательские решения

Прилив

Ира Баданина

© Ира Баданина, 2026

ISBN 978-5-0070-9193-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Заметка №1. День первый.

Добрался только к вечеру. Дорога убила — сначала трасса, потом эта разбитая грунтовка, а последние километров пять пришлось идти пешком, потому что машину занесло в какую-то грязь, и я побоялся, что сяду окончательно. Хорошо, что взял рюкзак, а не чемодан. Хотя спина теперь гудит. Дом оказался именно таким, как я и думал по фотографиям. Старый, облезлый, с покосившейся верандой. Честно говоря, я даже рад. Если бы он выглядел как на глянцевых картинках, было бы подозрительно. А так — настоящий. Внутри пахнет деревом, сыростью, и чем-то ещё сладковатым, как старые книги. Я не сразу понял, что это, а потом вспомнил: так пахло у бабушки в деревне, когда я был маленький. Я даже остановился на пороге на секунду, просто вдохнул. Хорошо.

Кухня маленькая, раковина ржавая, но вода из крана бежит — я проверил сразу, потому что хотел пить. Вода холодная, немного металлическая на вкус, но пить можно. Я заварил чай в своей кружке, которую взял из дома, и просто сел за стол. Смотрел в окно. За окном — море. Серое, спокойное, почти стеклянное. И неба не видно, они как будто сливаются. Я сидел и думал: вот оно. Я здесь. И мне почему-то стало легче. Весь день я просто ходил по дому. Открывал шкафчики, трогал стены, заглядывал в углы. Глупо, да? Но я всегда так делаю в новом месте — мне нужно убедиться, что я знаю все щели. С детства привычка. Мы с матерью часто переезжали, и каждый раз я боялся, что в новом доме что-то спрятано под кроватью или за шкафом. Я проверял всё. И если ничего не находил — становилось спокойнее. В доме оказалось несколько комнат. Гостиная, маленький коридор, кухня. На втором этаже — мансарда, но там пыльно и жарко, я только глянул и закрыл дверь. В коридоре есть ещё кладовка под лестницей, закрыта на амбарный замок. Я дёрнул — заперто. И не стал ломать, потому что не моё. Хозяин сказал, что там просто старые вещи, но ключ потерялся. Я подумал: ну и ладно. Не очень-то и хотелось.

Самое лучшее место в этом доме — веранда. Деревянная, с щелями в полу. Я вытащил оттуда старый стул, который качается, если на него сесть по-дурацки, и сидел там. Просто сидел. Смотрел на море и слушал ветер. Никого вокруг. Ни звука машин, ни голосов, ни этого дурацкого уведомления на телефоне. Тишина. Настоящая. У меня даже голова чуть кружилась от неё, как будто я на что-то с непривычки. Но это приятное головокружение.

Вечером я понял, что у меня нет интернета. Ну, я знал, что его не будет, но всё равно несколько раз машинально тянулся к телефону. А потом поймал себя на мысли, что это и есть то, ради чего я сюда приехал. Чтобы не было этих бесконечных сообщений, где все что-то доказывают друг другу. Здесь только я и море.

Я поужинал консервированным супом, который подогрел на печке. Не знаю, как готовить, но это съедобно. Чай заварил второй раз — уже не такой горячий, но я люблю тёплый. И вдруг подумал, что хочу записать это. Просто так. Не для кого-то, не чтобы потом перечитывать. А чтобы остановить момент. Потому что когда я вернусь в город, я, наверное, забуду, как оно — сидеть в темноте, пить тёплый чай и смотреть на чёрное море за окном. И мне захочется вспомнить.

Сейчас уже совсем темно. Я выключил лампу — она только мешала. Сажу в полумраке, ветер стучит ставней где-то снаружи. В доме тихо. Так тихо, что я слышу собственное дыхание. И почему-то оно кажется мне странным — как будто я дышу не один. Но это, наверное, просто от усталости. Дорога вымотала. Ладно. Завтра проснусь, открою окно и начну жить.

Я хочу запомнить этот день. Он был простым. И хорошим.

Заметка №2. День второй.

Сегодня я проснулся от того, что кто-то ходит по дому.

Я лежал с закрытыми глазами и слушал. Шаги были тяжёлыми, медленными, кто-то ходил там, внизу, в гостиной. Я думал: может, хозяин приехал? Может, я забыл запереть дверь? Но потом я вспомнил, что ключ от дома был только у меня, и хозяин живёт в соседнем посёлке, за двадцать километров. И я открыл глаза. В комнате было светло. Утро уже наступило, солнце било прямо в окно, и пыль летала в воздухе. Я прислушался. Тишина. Никаких шагов. Только моё сердце колотилось где-то в горле. Я подождал минуту, другую. Ничего.

Я решил, что мне приснилось. Сел на кровати, потёр лицо. Руки были холодные, хотя в комнате тепло. Я встал, оделся, спустился вниз. В гостиной никого не было. Дверь заперта на засов, окна закрыты. Всё на своих местах. Только чашка, которую я вчера оставил на столе, стояла не там — ближе к краю, как будто кто-то подвинул её. Я точно помню, что ставил в центр. Но, может быть, я просто не запомнил правильно. Может, она сдвинулась сама — доски в этом доме старые, перекошенные, всё шатается.

Я заварил чай, съел пару печений. Решил, что нужно начать хоть что-то делать, чтобы не сидеть и не прислушиваться. Достал ноутбук, открыл статью, которую должен был писать ещё неделю назад. Напечатал три предложения, потом перечитал — ерунда какая-то. Слова не клеились. Я смотрел в экран, а перед глазами всё плыло, будто я не выспался. Тогда я вышел на веранду. Сегодня море было другим — не спокойным, а серым, злым, с белыми барашками на волнах. Ветер дул прямо с воды, и он пах солью и холодом. Я постоял, вдохнул полной грудью, и вдруг мне стало легче. Голова прояснилась, мысли перестали путаться. Я подумал: это оно. Это то, ради чего я сюда приехал. Просто дышать. Просто быть.

Я решил прогуляться вдоль обрыва. Там есть тропинка, я видел её вчера, но было поздно, и я не пошёл. Сейчас я надел куртку и вышел. Тропинка узкая, местами осыпается, идти страшновато — с одной стороны скала, с другой обрыв, и внизу камни и вода. Я шёл осторожно, смотрел под ноги. Ветер дул так сильно, что я наклонялся вперёд, чтобы не упасть. И вдруг я остановился. Потому что на камне, прямо на тропинке, лежала мокрая тряпка. Я подошёл ближе. Это была футболка. Детская, маленькая, серая от воды. Я наклонился, чтобы рассмотреть, и увидел, что на ней нарисован какой-то рисунок — зверёк, похожий на медвежонка. Я сделал несколько шагов назад. Я не знаю, почему я так испугался. Это просто мокрая фут-

болка. Кто-то потерял, кто-то выбросил, прилив принёс. Здесь много туристов летом, хотя сейчас уже осень, никто не купается. Но она выглядела так, будто её только что сняли — мокрая, свежая, даже тёплая на ощупь. Я потрогал её кончиками пальцев. Влажная. Тёплая. Как будто её носили минуту назад.

Я стоял и смотрел на неё. И почему-то не мог взять. Мне казалось, что если я её подниму, случится что-то плохое. Я просто пошёл дальше, обошёл её по краю тропинки, почти касаясь спиной скалы. И не оборачивался. Прогулка была испорчена. Я вернулся домой, сел на веранду и долго смотрел на море. Пытался успокоиться. Говорил себе: это просто совпадение. Глупое, дурацкое совпадение. Я здесь никого не знаю, никто не знает меня. Это просто вода выбросила мусор на берег. Но внутри меня что-то дрожало. Какая-то тонкая струна, которую я не хотел замечать.

Вечером я не стал зажигать свет. Сидел в темноте, слушал, как ветер завывает в трубе. И снова мне показалось, что внизу ходят. Я даже спустился и проверил — никого. Дверь заперта. Окна закрыты. Но воздух в доме был влажным, как будто кто-то недавно открыл дверь и впустил туман. Я закрыл все окна. Задвинул засов. Лёг спать, но долго не мог уснуть. Ворочался, слушал. И перед сном мне показалось, что где-то очень далеко, почти неслышно, плачет ребёнок. Так тихо, что я не уверен — слышал ли я это на самом деле, или мне просто показалось.

Я закрыл глаза и заставил себя не слушать. Завтра я встану и никуда не пойду. Буду сидеть в доме и работать. Не хочу больше гулять у обрыва.

Заметка №3. День третий.

Сегодня я проспал до одиннадцати. Это на меня не похоже — я вообще-то жаворонок, всегда встаю в семь, даже в выходные. Но сегодня организм решил иначе. Я проснулся оттого, что солнце светило прямо в лицо, и в комнате было уже жарко. Я полежал немного, чувствуя, как голова гудит после вчерашнего. Наверное, я просто переволновался из-за той футболки. Глупо, правда? Взрослый человек, а испугался мокрой тряпки на камне.

Я встал, умылся холодной водой, заварил чай. На кухне было тихо и спокойно. Я выглянул в окно — море сегодня было почти бирюзовым, светлым, и на горизонте виднелись облака, похожие на вату. Я подумал: надо взять себя в руки и наконец начать работать. Не для того же я сюда приехал, чтобы сидеть и бояться собственной тени. Я сел за стол, открыл ноутбук. Статья не писалась. Я смотрел на экран, и слова не складывались в предложения. Я знал, о чём хочу написать, но пальцы просто не двигались. Тогда я решил, что мне нужен план. Написал на бумаге несколько пунктов: введение, классификация, методы исследования. Просто структуру. Глядя на неё, я понял, что всё не так уж сложно. Я просто перегорел в последнее время. Здесь же, в тишине, это должно пройти.

Я попытался написать хотя бы абзац. Получилось что-то корявое, неуклюжее, но я оставил. Потом перечитал и понял, что в первом же предложении ошибся в термине. Исправил. Потом нашёл ещё одну ошибку. И ещё. В итоге я просто закрыл ноутбук и решил, что сегодня не мой день.

Днём я решил сходить в посёлок. Хозяин говорил, что там есть маленький магазин, где можно купить хлеб и консервы, если не хочется тащиться в город. Я надел куртку и пошёл. Тропинка вела через поле к лесу, потом через лес — к посёлку. Идти было около часа, но я

люблю ходить пешком, это успокаивает. В лесу было красиво. Листья уже начали желтеть, и в воздухе пахло грибами и влажной землёй. Я шёл и думал: хорошо здесь. Правда хорошо. Почему я раньше не приехал? Почему я вообще уехал из города только сейчас, когда уже почти сломался? Мне казалось, что я ждал чего-то, какого-то знака, который скажет: пора. И вот я здесь. И всё должно быть хорошо.

В посёлке я нашёл магазин. Маленький, с облупившейся вывеской и скрипучей дверью. Внутри пахло пылью. Я купил хлеб, пару банок тушёнки, конфет и спички — на всякий случай. Продавщица, пожилая женщина с очень уставшим лицом, посмотрела на меня и спросила:

— Ты тот, который в доме у Бергмана живёт?

Я сказал, что да. Она покачала головой и ничего больше не сказала. Но я запомнил её взгляд. В нём не было злости или удивления. Было что-то другое. Как будто она хотела что-то сказать, но передумала. Я спросил:

— А что с этим домом? Что-то не так?

Она пожала плечами.

— Да нет, ничего. Просто редко там кто живёт. Давно уже пустует.

Она отвернулась и начала перебирать какие-то коробки за прилавком. Я понял, что разговора не будет. Заплатил и ушёл. Обрато я возвращался уже быстрее, почти бегом. Мне хотелось домой, в этот странный, незнакомый дом, который почему-то казался мне теперь единственным безопасным местом.

Вечером я сидел на веранде, пил чай и смотрел на море. Оно темнело, становилось глубоким и пустым. Я думал о продавщице. Почему она так на меня посмотрела? Почему ей показалось странным, что я здесь живу? Может быть, она просто удивилась, что кто-то вообще приезжает в это место. Может быть, она просто старуха, которая любит посплетничать. Я пытался не придавать этому значения. Но перед сном я снова услышал, как где-то в доме капает вода. Тихо, монотонно. Я проверил все краны — они были закрыты. Я посмотрел на потолок — там не было мокрых пятен. Я не мог понять, откуда этот звук.

И всё-таки, когда я лёг, я понял: я засыпаю, и мне кажется, что кто-то дышит рядом со мной. Тихо, почти неслышно. Я открыл глаза — никого. Закрыл — снова дыхание. Я два раза включал свет, проверял комнату. Никого. Может быть, это просто ветер в трубах. Или моё воображение. Я заставил себя закрыть глаза и не открывать их, что бы ни случилось.

Завтра я напишу статью.

Заметка №4. День четвёртый.

Сегодня я проснулся от того, что кто-то стоял надо мной.

Я открыл глаза — никого. Комната пустая, окно открыто, занавеска колыхается на ветру. Я сел на кровати, огляделся. Всё на своих местах. И только сердце колотилось где-то в горле, и я не мог отдышаться. Я знаю, что мне приснилось. Но этот сон был таким реальным — я

чувствовал чужое дыхание на своей коже, я слышал, как кто-то тихо дышит, наклонясь надо мной. Я даже чувствовал запах мокрой шерсти и соли.

Я встал, умылся. Вода была ледяной — вчера она была просто холодной, а сегодня уже почти обжигала. Я стоял у раковины и смотрел на себя в маленькое мутное зеркало над раковиной. Я выглядел уставшим. Под глазами круги, щетина, волосы торчат в разные стороны. Обычное утро.

Я решил, что мне нужен план. Если я буду просто сидеть в доме и слушать звуки, я сойду с ума. Я заварил чай, сел за стол и написал на бумаге список того, что я должен сделать сегодня. Проверить колодец. Разобрать вещи. Начать статью. Погулять. Всё просто.

Первым делом я пошёл к колодцу. Он был в паре метров от дома, под старым деревянным навесом. Я подошёл, откинул крышку, заглянул внутрь. Темно. Я не видел дна, только своё отражение в воде — размытое, серое, смотревшее на меня снизу. Я опустил ведро на верёвке, вытащил полное, прозрачное. Вода выглядела чистой, никакого запаха. Я набрал полное ведро и пошёл в дом. Но когда я шёл, я заметил что-то на крышке колодца. Я не заметил это сразу, потому что оно было тёмным и почти сливалось с деревом. Я наклонился и увидел царапины. Глубокие, тонкие, они шли по краю деревянной крышки, как будто их оставили ногти. Много раз. Много-много раз. Кто-то стоял здесь и царапал крышку пальцами. Я провёл своей рукой по царапинам — они были старыми, но не старыми настолько, чтобы покрыться мхом. Может быть, неделю. Может, две. Я ушёл в дом и закрыл дверь.

Днём я всё-таки заставил себя написать статью. Я открыл ноутбук, посмотрел на вчерашние три предложения — они не изменились. «Она вышла из воды. Она посмотрела на меня. Она не улыбнулась». Я всё ещё не помнил, чтобы писал это. Но я решил не удалять. Я просто начал новый файл. Новый, чистый, без странных фраз. Я писал медленно, с трудом. Слова не слушались, мысли путались. Но через час у меня было уже полстраницы. Я перечитал — это было нормально. Скучно, сухо, научно. Но нормально. Я почувствовал облегчение. Всё в порядке. Я просто переутомился, это пройдёт.

Вечером я решил снова прогуляться. На этот раз не к обрыву, а в сторону леса, где вчера ходил в посёлок. Мне хотелось пройтись, подышать. В лесу было тихо и темно, уже смеркалось. Я шёл по тропинке и вдруг услышал, как в кустах что-то зашуршало. Я остановился. Звук повторился — кто-то или что-то двигалось там, в глубине. Я хотел уже позвать, но что-то меня остановило. Я стоял и слушал. Шуршание приближалось, но не было похоже на зверя. Это было слишком медленное, слишком ровное движение. Как будто кто-то полз. Я развернулся и быстро пошёл обратно. Шуршание не прекращалось, оно следовало за мной. Я ускорился — оно ускорилось. Я почти бежал, когда вышел из леса к дому. Я забежал внутрь, захлопнул дверь, задвинул засов. Сердце колотилось, я дышал тяжело. Я стоял у двери и слушал. Тишина.

Я не знаю, что это было. Может быть, зверь. Лиса или олень. Может быть, ветер. Но я знаю, что когда я стоял у двери и слушал, я слышал, как кто-то вздохнул. Совсем рядом, по другую сторону двери. Я не стал проверять. Сейчас я сижу на кухне, все двери заперты, окна закрыты. Я слышу, как за стеной капает вода. Кап-кап-кап. Я проверил все краны, всё сухо. Но капли звучат. Настойчиво, монотонно, как обратный отсчёт.

Я не понимаю, что происходит. Может быть, мне стоит уехать. Взять рюкзак и просто уйти. Но я не могу. Каждый раз, когда я думаю об этом, я чувствую, как что-то тяжёлое ложится

мне на грудь и не даёт дышать. И я остаюсь. Завтра, может быть, я пойму, что делать. Завтра будет новый день.

Я пойду спать. Раньше, чем обычно. Может быть, сны будут спокойными.

Заметка №5. День пятый.

Сегодня я проснулся поздно. Снова. Я не понимаю, почему организм так странно реагирует на это место — я никогда не сплю больше восьми часов, а здесь уже третий день просыпаюсь почти в полдень. Наверное, воздух. Или тишина. Городской ритм отпускает, и тело просто берёт своё, навёрстывает упущенное. Я лежал и смотрел в потолок. На нём была трещина. Я не заметил её в первый день, но сейчас она была отчётливо видна — тонкая, извилистая, от одного угла к другому. Я смотрел на неё и думал: сколько лет этому дому? Наверное, он старше меня. Может, даже старше моих родителей. Странно ощущать себя гостем в таком месте. Я встал, умылся. Вода сегодня была нормальной — холодной, но не ледяной. Я заварил чай, сел на кухне и просто смотрел в окно. Море было спокойным, почти неподвижным. В такие дни оно выглядит как огромное зеркало, в которое смотришь и не видно дна. Я сидел и смотрел на эту гладь, и в голове не было ни одной мысли. Просто пустота. И это было приятно.

Днём я решил наконец разобрать вещи. Я приехал уже почти пять дней назад, но всё ещё не распаковал рюкзак до конца. Я вывалил всё на кровать: книги, тетради, запасные носки, свитер, зарядки. И нашёл в самом низу старую фотографию, которую даже не помнил, что взял. Я поднял её и долго смотрел.

На фотографии было море. То же самое море, которое я вижу каждый день из своего окна. Но на старом, выцветшем снимке оно выглядело по-другому — более диким, серым, с тяжёлыми волнами. На переднем плане стояла какая-то фигура. Размытая, нечёткая. Я не мог понять, человек это или просто дерево. Снимок был старым, может, двадцатилетней давности. Я не помнил, где взял его. Может быть, он просто лежал в книге, которую я взял с собой, и завалился в рюкзак случайно. Я перевернул фотографию. На обратной стороне было написано карандашом, почти стёртым: «2002. Бухта».

2002. Мне тогда было четыре года. Мы с матерью жили в другом городе. Я никогда не был здесь, я точно знаю. Но что-то в этой фотографии сжало мне горло. Какое-то смутное, далёкое чувство, которое я не мог объяснить. Я положил фотографию на стол и больше к ней не возвращался. Вечером я решил снова сходить в посёлок. Мне нужно было купить хлеба и ещё какую-нибудь еду, потому что запасы начали заканчиваться. Я надел куртку и пошёл по знакомой тропинке через лес. Сегодня лес казался другим. Более светлым, более сухим. Листья уже начали опадать, и они шуршали под ногами. Я шёл и слушал этот хруст, и мне стало спокойно. Всё-таки звуки природы успокаивают, когда вокруг слишком тихо. В посёлке я зашёл в тот же магазин. Продавщица стояла за прилавком и смотрела в стену. Я поздоровался, она посмотрела на меня и кивнула — но как-то рассеянно, как будто не узнала. Я взял хлеб, ещё каких-то мелочей. Когда я подошёл к кассе, она посмотрела на меня и сказала:

— Опять ты.

Я не понял, что она имела в виду. Я сказал:

— Я просто пришёл за хлебом.

Она ничего не ответила. Просто взяла деньги, дала сдачу и снова уставилась в стену. Я вышел и почувствовал, что мне не по себе. Не из-за её слов — из-за того, как она на меня смотрела. Как будто видела кого-то другого. Или как будто знала, что я приду. Обратно я возвращался уже в сумерках. Лес потемнел, и я включил фонарик на телефоне. Свет выхватывал из темноты деревья, корни, камни. В какой-то момент мне показалось, что между деревьев стоит человек. Я остановился, направил свет туда. Никого. Только ствол, покрытый мхом. Я пошёл дальше, но чувствовал, что кто-то идёт за мной. Не слышал шагов, не видел движений — просто чувствовал. Тот самый холодок между лопаток, который невозможно спутать ни с чем. Я не оборачивался. Я просто ускорил шаг, а когда вышел на поляну и увидел свет в окне своего дома, я почти побежал. Сейчас я сижу на веранде. Вокруг темно, только луна освещает море. Я слышу, как где-то внизу, у скал, плещется вода. Ритмично, успокаивающе. Я пытаюсь убедить себя, что ничего не происходит. Что я просто устал. Что всё это — игра моего воображения.

Но я смотрю на эту фотографию, которую достал утром. Она лежит передо мной на столе. Я уже несколько часов смотрю на неё и не могу отвести взгляд. На ней кто-то стоит. Размытая фигура, которую я не могу узнать. Но я чувствую, что знаю её.

Я не знаю, почему я взял эту фотографию с собой. Я не знаю, что она здесь делает. Но я знаю, что я боюсь смотреть на неё.

И всё-таки смотрю.

Заметка №6. День шестой.

Я проснулся от того, что кто-то смотрел на меня.

Я открыл глаза — в комнате никого не было, но чувство было таким сильным, что я даже повернул голову к двери, ожидая увидеть в проёме чей-то силуэт. Там никого не было, только полоска света из коридора, и пыль летала в ней, медленно и тяжело. Я лежал и слушал своё сердце — оно стучало ровно, но слишком громко. Слишком отчётливо. Я закрыл глаза и заставил себя дышать глубже. Просто сон, просто сон. Я не слышал шагов, не слышал дыхания — только это странное, липкое чувство, что в комнате есть кто-то ещё.

Я встал и оделся. На кухне было тихо, и я заметил, что окно на веранду приоткрыто. Я точно помню, что закрывал его на ночь. Я подошёл, выглянул наружу. Утро было серым и туманным, море почти не было видно — только молочная пелена, которая скрывала горизонт. Ветер был влажным и тёплым, он пах солью и водорослями. Я стоял у окна и смотрел в этот туман, и мне казалось, что где-то в глубине, в этой белизне, кто-то есть. Я вглядывался, пытался разглядеть очертания, но ничего не было видно. Только движущаяся дымка. Я закрыл окно и заварил чай. Сегодня я решил, что буду работать. По-настоящему. Не просто сидеть и смотреть в экран, а писать. Я сел за стол, открыл ноутбук, посмотрел на чистый лист. И начал печатать.

Всё шло неплохо. Я написал введение, потом первый раздел, потом начал второй. Мысли текли ровно, как будто кто-то их направлял. Я почти не задумывался над словами — они появлялись сами собой, складывались в предложения, и это было так легко, что я даже удивился. Я писал часа два, не отрываясь, и когда наконец остановился, чтобы выпить воды, я почувствовал, что впервые за несколько дней я делаю что-то полезное. Я перечитал написанное. Всё было грамотно, логично, сухо. Даже слишком сухо — как техническая инструкция. Но я

решил, что это нормально, я всегда так пишу, когда вхожу в рабочий ритм. Я сохранил файл, закрыл ноутбук и вышел на веранду. Туман уже начал рассеиваться, и море появлялось из него медленно, как будто его доставали из-под одеяла. Сначала вода стала видна — тёмная, почти чёрная, с мелкой рябью. Потом показалась линия горизонта, потом небо. Всё это выглядело так красиво, что я на минуту забыл о странном чувстве, которое преследовало меня последние дни. Я просто стоял и смотрел.

Днём я решил исследовать окрестности. Не вдоль обрыва, а в другую сторону — там, где был небольшой залив, о котором я вчера прочитал в старой книге, которую нашёл в доме. Я перелистывал её вчера вечером, когда не мог уснуть, и наткнулся на описание. Книга была старой, почти рассыпалась, страницы были жёлтые и хрупкие. На одной из них я нашёл короткий абзац: «Залив за скалой. Вода там всегда холодная, даже летом. Говорят, что она не замерзает никогда, даже в самые сильные морозы. Местные обходят это место стороной». Я не знаю, почему этот абзац меня зацепил. Может, потому что слово «стороной» было написано с нажимом, почти вдавлено в бумагу. Я закрыл книгу и решил, что схожу туда просто из любопытства.

Дорога заняла около получаса. Нужно было пройти вдоль обрыва, потом спуститься по тропинке, которая вилась между камней. Тропинка была крутой и скользкой, я шёл осторожно, держась за ветки кустов, которые росли прямо из скал. Внизу, наконец, показался залив — маленький, не больше футбольного поля, окружённый серыми камнями. Вода была тёмной, почти чёрной, хотя день был светлым. И она действительно была очень холодной — я присел на корточки, опустил руку, и у меня перехватило дыхание от холода. Она была ледяной. Такой, что начинала болеть кожа. Я отдернул руку, вытер её о штаны. И заметил, что на камнях у кромки воды кто-то сидел. Не сейчас — раньше. Потому что след остался. На мокром песке был чёткий отпечаток — маленький, как детская нога. И ещё один. И ещё. Они вели от воды к скале, а потом просто исчезали. Я смотрел на эти следы и чувствовал, как внутри меня разрастается холод, не имеющий отношения к погоде. Я не мог объяснить себе, почему я испугался. Ну, следы. Ну, маленькие. Может, кто-то из местных приводил сюда ребёнка.

Но следы шли от воды — из воды, из этой чёрной, ледяной воды, в которую никто в здравом уме не полезет.

Я стоял и смотрел на эти отпечатки, и мне казалось, что они ждут, чтобы я что-то сделал. Шагнул в них, например. Или пошёл по ним в обратную сторону. Я не сделал ни того, ни другого. Я развернулся и ушёл. Вернувшись в дом, я долго сидел на веранде и смотрел на море. Мне нужно было успокоиться. Я пил чай, смотрел на воду, слушал ветер. Но внутри меня что-то дрожало. Какая-то тонкая струна, которую я не хотел замечать. Я пытался думать о работе, о статье, о том, что через пару недель я вернусь в город, и всё это останется позади. Но мои мысли постоянно возвращались к тому заливу. К чёрной воде. К следам.

Вечером, когда стемнело, я снова открыл ноутбук, чтобы проверить, что написал утром. Я открыл файл и начал читать. Всё было так, как я помнил — введение, первый раздел, второй. Всё ровно, логично, сухо. Но когда я дошёл до середины второго раздела, я остановился. Там была строчка, которую я не писал. Я точно помнил, что её не было. Она стояла прямо в тексте, выделяясь, как если бы её вставили из другого документа. Я читал её и не мог поверить своим глазам.

«Она вышла из воды. Она посмотрела на меня. Она не улыбнулась».

Те же самые слова, что появились в файле несколько дней назад. Я удалил их тогда, я точно помню — я просто зажмурился и стёр этот абзац. Но вот они снова. Те же самые, слово в слово. Я смотрел на экран и чувствовал, как ладони начинают потеть. Я закрыл ноутбук, даже не сохранив. Я не хотел больше видеть это. Я сидел в темноте, слушал, как где-то в стенах капает вода. Кап-кап-кап. Я уже перестал искать источник — это было бесполезно. Я просто сидел и слушал. Я думал о том, что было вчера. О том, что было сегодня. О следах на песке, о фотографии, о продавщице, которая смотрела так странно. О своих снах, в которых я не понимал, сплю ли я.

Я думал о том, что, может быть, всё это — просто моё воображение. Я приехал сюда, чтобы отдохнуть, чтобы перестать бояться, а вместо этого я только боюсь больше. Я не знаю, что со мной происходит. Но я знаю, что завтра я снова проснусь. И завтра будет новый день.

Может быть, он будет лучше.

Заметка №7. День седьмой.

Я не знаю, сколько я просидел на веранде прошлой ночью. Мне казалось, что прошло всего несколько минут, но когда я поднял голову, небо уже начало светлеть на востоке, и туман снова поднимался из-за горизонта, медленный, тягучий, как будто море выдыхало его. Я замёрз — плечи, спина, руки — всё было холодным и негнущимся. Я не помнил, когда перестал чувствовать тепло. Я просто сидел и смотрел. Сейчас я сижу в доме, укрывшись пледом, и пытаюсь заставить себя что-то делать. На столе стоит остывший чай, который я так и не выпил. У меня болит голова, и мир кажется немного размытым, как будто я смотрю сквозь мокрое стекло. Я думаю о том, сколько дней уже прошло. Семь. Целая неделя. Я приехал сюда на месяц, но сейчас мне кажется, что прошло уже несколько месяцев, а может, и лет. Время в этом месте идёт по-другому — то слишком быстро, то слишком медленно, и я перестал понимать, когда наступает утро, а когда вечер. Свет здесь всегда один и тот же, серый и ровный, как будто небо накрыло дом колпаком.

Сегодня я не пошёл гулять. Я решил, что буду сидеть в доме и работать. Просто сидеть и работать. Я сел за стол, открыл ноутбук. Я хотел продолжить статью, но вчерашний файл я закрыл, не сохранив. Я его даже не открыл — просто не хотел видеть ту строчку. Я создал новый документ. Начал писать сначала. Вода. Живые организмы. Прибрежная зона. Слова выходили сухие и правильные, но они ничего не значили. Я печатал механически, и думал о чём-то другом. Я думал о своей матери. Странно, но она пришла мне в голову сегодня утром, когда я смотрел на мутное стекло в окне. Я редко думаю о ней. Не потому, что не хочу — просто прошло слишком много времени, и боль притупилась. Но здесь, в этом доме, она стала возникать в моей памяти как-то часто, без причины. Её голос, её руки, как она заправляла мне воротник перед школой. Когда она умерла, я был в университете. Мне позвонили, я приехал, я был на похоронах. Я помню, как стоял у могилы и смотрел на землю, которая была влажной от дождя. Я плакал тогда? Не помню. Я помню только, что хотел уйти оттуда как можно скорее. Я не мог дышать.

Я не знаю, почему я думаю об этом сейчас. Может быть, потому что здесь тихо, и у меня нет других мыслей. Может быть, потому что я чувствую, что мне нужно было что-то сказать ей. Что-то, что я не сказал. Как всегда, я не знаю, что именно. Просто чувствую, что это важно. Днём я всё-таки заставил себя выйти. Я думал, что свежий воздух поможет мне прояснить голову. Я прошёл немного вдоль тропинки, но не до конца — я не хотел идти к

обрыву. Я просто стоял на поляне и смотрел на лес. Он казался мне враждебным. Деревья стояли слишком близко друг к другу, ветви переплетались, и между ними не было просветов. Лес смотрел на меня, я чувствовал это. И я смотрел на него. Я вернулся в дом и закрыл дверь. Я понял, что не хочу больше выходить. Я хочу оставаться здесь, в этом доме, где стены кажутся мне безопасными. Они старые, они деревянные, но они держат меня. Они не дают мне упасть.

Вечером я снова сел за стол и написал несколько страниц для статьи. Слова выходили легко, как будто я не думал, а просто записывал. Я писал о классификации организмов, о том, как они приспосабливаются к среде, о том, как вода проникает в их клетки. Я писал, и мне казалось, что я говорю не о науке, а о чём-то другом. О том, как что-то проникает в тебя, когда ты не смотришь.

Когда я закончил, я перечитал написанное. И снова, в середине текста, я увидел ту же строчку.

«Она вышла из воды. Она посмотрела на меня. Она не улыбнулась».

Она была написана тем же шрифтом, тем же размером, стояла на том же месте. Я хотел удалить её, но что-то остановило меня. Я смотрел на экран и не мог пошевелиться. Вдруг мне показалось, что в комнате стало холодно. Холодно и влажно, как будто кто-то открыл окно. Я повернул голову — окно было закрыто. Но воздух стал тяжёлым.

Я закрыл ноутбук и пошёл на кухню. Я налил себе чай, но не мог пить — я смотрел в кружку и видел, как в ней колыхается вода. Я поставил её на стол и просто сидел. Сидел и смотрел в стену.

Сейчас я снова сижу на веранде. Ночь наступает медленно, и я чувствую, как она окутывает меня. Море за окном становится чёрным, и я слышу, как оно дышит. Ветер стих, но воздух всё равно движется. Я чувствую его на своей коже.

Я думаю о том, что я должен уехать. Я знаю, что должен. Но каждый раз, когда я думаю об этом, я чувствую, что не могу. Что-то держит меня здесь. Что-то, что я не могу объяснить.

Я смотрю на море, и оно смотрит на меня.

Заметка №8. День восьмой.

Я не спал сегодня. Вообще. Я лёг вчера около одиннадцати, закрыл глаза, и просто лежал. Лежал и слушал. В доме было тихо, но не так, как бывает, когда всё спокойно. А так, как бывает, когда что-то затаилось и ждёт. Я знаю это чувство — оно было у меня в детстве, когда я просыпался ночью и знал, что в комнате кто-то есть. Я не видел его, я не слышал его, но я знал. И сейчас я знал то же самое. Я лежал с открытыми глазами, смотрел в потолок. Трещина, которую я заметил несколько дней назад, стала длиннее. Я не знаю, когда это произошло, но теперь она пересекала почти весь потолок от стены до стены, тонкая, извилистая, как трещина на льду. Я смотрел на неё и думал: сколько нужно времени, чтобы трещина выросла на полметра? День? Два? Неделя? Или это произошло мгновенно, когда я не смотрел?

Где-то в час ночи я услышал звук. Тихое, мокрое шлёпанье — как будто кто-то босиком шёл по мокрому полу. Звук шёл снизу, из гостиной. Я не вставал. Я просто лежал и слушал.

Шаги были медленными, тяжёлыми, они прошли от одной стены к другой, потом затихли у лестницы. И больше ничего. Я ждал. Прошло десять минут. Потом двадцать. Ничего. Я закрыл глаза и попытался представить, что это была просто мышь. Или ветер. Или моё воображение. Но я знал, что это не так.

В три часа я всё-таки встал. Я не мог больше лежать. Я тихо спустился вниз, проверил дверь — она была заперта. Проверил окна — закрыты. В гостиной никого не было, только пустые стулья и стол с моей кружкой. Я подошёл к столу и замер. На столе стояла моя кружка, но она была полной. Я точно помню, что выпил весь чай перед тем, как лечь. Я даже не мыл кружку, потому что было поздно. А теперь она стояла наполненная до краёв. Тёмная жидкость, похожая на чай, но без пара. Я наклонился и понюхал. Она пахла морем. Солёной водой. Я не стал трогать кружку. Я развернулся и ушёл наверх.

Утром я спустился — кружка была пустой. Сухой. Стояла на том же месте, но внутри не было ни капли. Я смотрел на неё и не мог понять, что произошло. Может быть, я просто перепутал. Может, мне приснилось, что я выпил чай. Может, я сам наполнил кружку и забыл. Я не знал, что думать, и поэтому просто перестал думать. Я вымыл кружку, поставил на место, и ушёл на веранду.

Сейчас утро. Серое, влажное, туманное. Я сижу здесь уже больше часа, смотрю на море и не могу оторваться. Сегодня оно особенно странное — как будто не живое. Волны почти не было, поверхность была ровной и гладкой, и на ней не отражалось небо. Только серая, глухая пустота. Я смотрел и смотрел, и вдруг мне показалось, что я вижу в глубине что-то светлое. Что-то белое, что двигалось там, под водой. Я наклонился вперёд, вглядываясь. Но оно исчезло, как только я попытался сфокусироваться. Я провёл день в доме. Я не выходил на улицу. Я ходил по комнатам, открывал ящики, перебирал вещи. Мне нужно было чем-то занять руки, чем-то занять голову. Я нашёл старую колоду карт на чердаке — я зашёл туда просто чтобы проветрить голову, и она лежала на полу, припорошённая пылью. Карты были старыми, потёртыми, с разводами от влаги. Я сел на пол и начал раскладывать пасьянс. Я делал это механически, но это помогало. Мои руки двигались, я переворачивал карты, и мои мысли становились ровнее.

Я думал о том, как я оказался здесь. Зачем я приехал? Я помню, что хотел отдохнуть. Я помню, что устал от города. Но почему именно это место? Я смотрел фотографии в интернете, выбирал между несколькими домами. Этот был самым дешёвым. И самым отдалённым. Я мог выбрать что-то другое, но я выбрал этот. Почему? Я пытался вспомнить, но не мог. Я просто чувствовал, что должен сюда приехать. Как будто кто-то шепнул мне это. Я открыл ноутбук, чтобы проверить статью. Я не хотел, но не мог удержаться. Я открыл файл, и строчка была на месте. «Она вышла из воды. Она посмотрела на меня. Она не улыбнулась». Она была там же, где и раньше. Я смотрел на неё и чувствовал, как холод разливается по животу. Я не удалял её. Я просто закрыл ноутбук и убрал его в рюкзак. Я не хочу больше видеть эту фразу.

Я нашёл книгу, которую читал вчера. Ту, где был абзац про залив. Я перелистал её, чтобы найти это место, и замер. Страница была вырвана. Не просто стёрта, а вырвана из корешка, чисто и аккуратно. Я помню, что вчера видел эту страницу. Я держал её в руках, я читал её. А теперь её нет. На её месте остался только неровный край бумаги. Я закрыл книгу и отложил её.

Я не хочу больше искать объяснения. Сейчас вечер. Опять темнеет. Я сижу на кухне, пью воду — простую, из-под крана. Она холодная и прозрачная, и в ней нет ничего странного. Я пытаюсь не думать. Я смотрю на стену, на которой висит старое зеркало. Оно мутное, с

потёртой серебряной поверхностью. Я смотрю на своё отражение, и оно кажется мне чужим. Не потому, что что-то изменилось — я выгляжу так же, как и всегда. Просто я смотрю на себя и не чувствую, что это я. Как будто в зеркале стоит кто-то другой, кто просто похож на меня.

Я потёр глаза и посмотрел снова. Всё было по-прежнему. Я встал из-за стола и подошёл к зеркалу ближе. Я смотрел в него, и мне казалось, что моё отражение смотрит на меня чуть пристальнее, чем нужно. Чуть дольше. Я поднял руку — оно подняло. Я улыбнулся — оно улыбнулось. Всё правильно. Но я не мог избавиться от чувства, что кто-то смотрит на меня изнутри.

Я отошёл от зеркала и больше не смотрел в него. Я сижу на кухне, в темноте. Я не включаю свет, потому что мне спокойнее в темноте. В темноте я не вижу ничего лишнего. В темноте я могу просто сидеть и ничего не чувствовать. Я думаю о завтрашнем дне. Я не знаю, что он принесёт. Но я надеюсь, что он будет обычным. Мне так нужно, чтобы он был обычным.

Я уже не пишу о работе. Я не знаю, зачем я пишу эти заметки. Может быть, чтобы доказать себе, что я всё ещё здесь. Что я всё ещё существую.

Я существую.

Заметка №9. День девятый.

Я проснулся и не понял, день сейчас или вечер. За окном был серый свет — не яркий, не тусклый, просто ровный, как будто мир застыл между состояниями. Я лежал и смотрел в потолок, пытаюсь понять, сколько я проспал. Телефон показывал 16:47. Но я не знал, это утро или уже почти ночь. Я давно перестал следить за временем по-настоящему, просто смотрел на цифры и не придавал им значения. Мои часы тоже показывали что-то странное — они застыли на 11:03 и не двигались, даже когда я потряс их. Я оставил их на тумбочке и больше не смотрел.

Я встал. Комната была холодной. Не такой, как обычно, когда утром прохладно, а такой, когда холод проникает сквозь одежду, сквозь кожу, прямо внутрь. Я закутался в плед, который оставил на стуле, и пошёл на кухню заварить чай. Вода из крана шла медленно, с каким-то булькающим звуком, как будто трубы были полны воздуха. Я налил чайник, поставил на печку. Ждал, пока закипит. И в этом ожидании было что-то странное — я смотрел на воду в чайнике и не мог оторваться. Как она нагревается, как пузырьки начинают подниматься со дна. Я стоял и смотрел, и мне казалось, что я вижу что-то в этих пузырьках. Какие-то очертания, движения, как будто внутри воды кто-то шевелился. Когда чайник закипел, я быстро выключил его и залил кипятком в кружку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.